

КОНСТРУКТ РИГИДНОСТИ В КОНЦЕПЦИИ КОГНИТИВНО-ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ

А. Н. ПЕВНЕВА¹⁾

¹⁾Гродненский государственный университет им. Янки Купалы,
ул. Э. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь

На основе положений концепции когнитивно-личностного развития в рамках общей психологии представлена теоретическая модель развития ригидности как конструкта. Данный концепт послужил основой настоящего исследования, интегрируя закономерности линий когнитивного и личностного развития. С использованием группы научных методов, в частности индуктивно-дедуктивного и ретроспективного методов, а также методов теоретического конструирования, моделирования и прогнозирования, выполнен анализ соотношения двух (когнитивной и личностной) линий познания. Раскрыты аспекты развития модели *ригидность – гибкость* как когнитивно-личностного конструкта, являющегося закономерным результатом процесса познания: рефлексивность (спонтанность (реактивность) и отсроченность (торможение)), координированность (функционирование системы 1 и системы 2), организованность (дивергентность и конвергентность) и регулятивность (флексibilität и контроль). На основе положений концепции когнитивно-личностного развития конструкт ригидности показан как качественно специфический процесс функционирования когнитивных структур и личностных свойств. Связано это с пониманием относительной автономности когнитивного и личностного (социального) развития, первичности формирования, ведущей роли когнитивных механизмов познания по отношению к личностным и обусловленности соотношения когнитивной и личностной линий развития, а также с необходимостью адаптации. Результаты теоретического исследования расширяют и дополняют имеющиеся данные по проблеме ригидности, что позволит сформировать континуальный (амбивалентный) взгляд на природу изучаемого феномена и расширить вектор направлений его изучения в области общей психологии.

Ключевые слова: ригидность; конструкт; когнитивно-личностное развитие.

Благодарность. Автор выражает признательность доктору психологических наук, профессору А. П. Лобанову за сопровождение научно-исследовательской рукописи, оказание помощи в построении и обосновании теоретической модели ригидности, а также за поддержку при реализации поставленных цели и задач в ходе написания статьи.

THE CONSTRUCT OF RIGIDITY IN THE CONCEPT OF COGNITIVE-PERSONAL DEVELOPMENT

A. N. PEVNEVA^a

^aYanka Kupala State University of Grodno, 22 E. Ažėška Street, Hrodna 230023, Belarus

The article is aimed at presenting a theoretical model of the development of rigidity as a construct based on the provisions of the concept of cognitive-personal development within the framework of general psychology. This concept served as the basis of the theoretical research, integrating the laws of the lines of cognitive and personal development. Using a group of scientific methods, in particular, the inductive-deductive and retrospective methods, as well as methods of theoretical

Образец цитирования:

Певнева АН. Конструкт ригидности в концепции когнитивно-личностного развития. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2023;2:84–92.
<https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-2-84-92>

For citation:

Pevneva AN. The construct of rigidity in the concept of cognitive-personal development. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2023;2:84–92. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-2-84-92>

Автор:

Анжела Николаевна Певнева – кандидат психологических наук, доцент; заведующий кафедрой общей и социальной психологии факультета психологии.

Author:

Anzhela N. Pevneva, PhD (psychology), docent; head of the department of general and social psychology, faculty of psychology.
pevneva_an@grsu.by
<https://orcid.org/0000-0001-6304-0649>

design, modelling and forecasting, an analysis of the relationship between the two (cognitive and personal) lines of cognition has been performed. The aspects of the development of flexibility-rigidity, as a cognitive-personal construct, which is the natural result of the process of cognition, such as reflexivity (spontaneity (reactivity) and delay (inhibition)), coordination (system 1 and system 2), organisation (divergence and convergence) and regulativity (flexibility and control) have been revealed. Based on the provisions of the concept of cognitive-personal development, the construct of rigidity is presented as a qualitatively specific process of functioning of cognitive structures and personal properties. It is closely connected with the understanding of the relative autonomy of cognitive and personal (social) development, the primacy of the formation and leading role of cognitive mechanisms of cognition in relation to personal ones, as well as the conditionality of the ratio of cognitive and personal lines of development and the need for adaptation. The results of the theoretical study expand and supplement the available data on the problem of rigidity, which will form a continuum (ambivalent) view of the nature of the phenomenon under study and expand the vector of directions of its study in the field of general psychology.

Keywords: rigidity; construct; cognitive-personal development.

Acknowledgements. The author grateful to the doctor of sciences (psychology), professor A. P. Lobanov for the professional support of the research manuscript, assistance in the construction and substantiation of the theoretical model of rigidity, as well as support in the implementation of the main goal and objectives during the article writing.

Введение

Актуальность исследования определяется тем, что понятие ригидности представляет собой междисциплинарную научную категорию и тем самым может претендовать на статус трансдисциплинарного знания. Оно требует систематизации и обобщения в рамках общей психологии. Исследовательские направления 2020-х гг. и зафиксированные в них закономерности, теоретические принципы в своей основе имеют философское происхождение, привязаны к философским исследованиям и вытекают из философских работ. Генетически изучение проблемы обоснования феномена ригидности необходимо проводить с учетом философского контекста, в который изначально помещен изучаемый психологический феномен и который связан с философией познания.

Анализ философских взглядов на природу (феноменологию) ригидности прослеживается в трудах И. Канта («Критика чистого разума», «Критика практического разума», «Критика способности суждения»), Э. Гуссерля («Картезианские размышления») и М. К. Мамардашвили («Кантианские вариации»), которые повлияли на понимание познавательных способностей человека, в частности на базовые психологические теории мыслительной деятельности. Идеи И. Канта о мышлении не сформулированы в виде концепции, однако в качестве ключевой категории мыслительной деятельности выступают суждения, стереотипность и дихотомичность, имплицитно характеризующие проявление ригидности. По Канту, такое проявление есть предел теоретического и практического разума. Противо-

положным полюсом способности к теоретическому и практическому мышлению выступает возможность (гибкость).

Проблема исследования ригидности восходит к известным работам Дж. Кеттелла и Дж. Струпа, формируя три основных подхода [1]. Каждый из подходов отражает определенную концептуальную линию в трактовке природы и сути данного предмета – ригидности, которая характеризуется неспособностью личности перестроить стратегию поведения в условиях, объективно индуцирующих ее изменения¹. В рамках первого подхода ригидность проявляется как фиксированная форма поведения (Г. В. Залевский, Э. В. Галажинский, Н. В. Козлова, К. В. Шайе, Р. Дутта, Ш. Л. Уиллис), в рамках второго – изучается как результат неврологических (патологических) повреждений (Э. Блейер, Ч. Шеррингтон, Т. Шапиро), в рамках третьего – характеризуется как интеллектуальная (когнитивная) незрелость (К. Гольдштейн, К. Дункер, Дж. Кеттелл, Р. Кеттелл, К. Левин, Г. Майер, И. Макдермотт, Дж. О'Коннор, Ж. Пиаже). Последний подход основывается на результатах исследований Ж. Пиаже центрированных (децентрированных) когнитивных стратегий, а также использования одномерных, ригидных, центрированных когнитивных стратегий в сравнении с многомерными, гибкими, децентрированными стратегиями. Это во многом предопределило цель исследования, которая направлена на представление конструкта ригидности на основе концепции когнитивно-личностного развития в рамках общей психологии.

Теоретические основы исследования

Разработка концепции когнитивно-личностного развития осуществлялась в русле проблематики социально-когнитивного подхода в психологии,

который является следствием интеграции поведенческого и когнитивного подходов. Наибольшее распространение в Беларуси концепция когнитив-

¹Горман Б. Ригидность // Психолог. энцикл. / под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. СПб. : Питер, 2003. С. 763.

но-личностного развития получила в научных исследованиях А. А. Морозова, А. П. Лобанова и И. Н. Андреевой. В частности, И. Н. Андреева рассматривала эмоциональный интеллект в качестве интегрально-когнитивно-личностного образования с наиболее выраженным когнитивным компонентом, А. А. Морозов определял толерантность как когнитивно-личностный конструкт.

Тем самым содержание концепции отражает спектр решений многих значимых проблем, который связан с раскрытием когнитивной структуры

психики человека. Так, одной из доминирующих тенденций развития психологических исследований когнитивной организации, или когнитивного базиса психики, является соотношение социальной и когнитивной линий. Анализ различных точек зрения на соотношение когнитивной и аффективной линий развития в теоретическом аспекте, проведенный Г. А. Виленской и Е. А. Сергиенко [2, с. 205], позволил реинтерпретировать формирования этих линий и дополнить их первичными механизмами (см. таблицу).

**Соотношение когнитивной и аффективной линий развития:
механизмы их формирования**

**The ratio of cognitive and affective lines of development:
mechanisms of their formation**

Представители (теории, концепции)	Соотношение аффективной и когнитивной линий развития	Механизмы формирования
Ж. Пиаже (когнитивная теория развития психики)	Первично когнитивное развитие: когнитивное и социальное развитие протекают независимо, их соотношение определяется адаптацией	Когнитивные механизмы познания мира (на основе психической врожденной активности)
Л. С. Выготский и М. Лисина (культурно-историческая концепция развития)	Первично аффективное развитие: социальное развитие ведет за собой когнитивное развитие	Аффективные механизмы (на основе социального взаимодействия)
К. Тревартен (концепция развития интерсубъективности)	Первично аффективное развитие (социальное познание): социальное развитие предшествует когнитивному развитию (познанию предметного мира)	Механизм кинематической подстройки (синхронизации активности)
П. Хобсон (концепция развития интерсубъективности)	Дифференциация аффективного и социального развития, первичность когнитивных и аффективных механизмов: ведущая роль когнитивного развития на ранних стадиях онтогенеза	Механизмы интерперсонализации (отношения Я – ты), объективизации (отношения Я – оно)

Необходимо отметить, что логика соотношения когнитивной и аффективной линий связана с вопросом личностного и аффективного, а также когнитивного и личностного развития в контексте их первичности (вторичности), зависимости (независимости), обусловливания (необусловливания) одной линии другой. При этом соотношение двух линий, когнитивной и личностной, является основополагающим в рамках научной теории, так как оно лежит в основе познания окружающего мира (решения проблем) личностью. Согласно операциональной теории интеллекта Ж. Пиаже познание первично по отношению к социальной функции, способствующей преодолению эгоцентризма, в том числе ригидных центрированных когнитивных стратегий, использование которых свойственно на ранних этапах онтогенеза. В психологических экспериментах ученого центрирование представлено как способность концентрироваться на «выступающем» свойстве объекта согласно предоперациональной стадии развития ребенка (длинная плитка шоколада предпочтительнее плитке потолще). Наряду с центриро-

ванными когнитивными стратегиями формируется процесс консервации (жидкости, чисел, массы), определяемый пониманием константности качества объектов или ситуаций. Развитие взаимодействия ребенка с миром идет от простых схем, в частности от сенсомоторных, конкретных и формальных операций стимулирования к высоко интегрированным абстрактным схемам (Ж. Пиаже).

Тем самым природа ригидности в когнитивном подходе показывается в сенсомоторных предоперационных схемах по сравнению с более поздними структурами стадии конкретных и формальных операций. Эти когнитивные механизмы являются адекватными для познания социального (окружающего) мира. Придерживаясь концепции когнитивно-личностного развития, ригидность выступает как качественно специфический процесс функционирования (проявления) когнитивных структур и личностных свойств (особенностей, характеристик), представляя собой единый когнитивно-личностный конструкт. Непосредственно под когнитивно-личностным развитием понимается соотношение социальной и ког-

нитивной линий, которые способствуют успешной адаптации личности через установление закономерностей взаимодействия с предметным и социальным миром.

Положения концепции когнитивно-личностного развития послужили основой теоретического исследования по причине важности понимания того, что данный концепт содержательно отражает спектр решений проблем, связанных с раскрытием когнитивной структуры психики человека; одной из доминирующих тенденций развития психологических

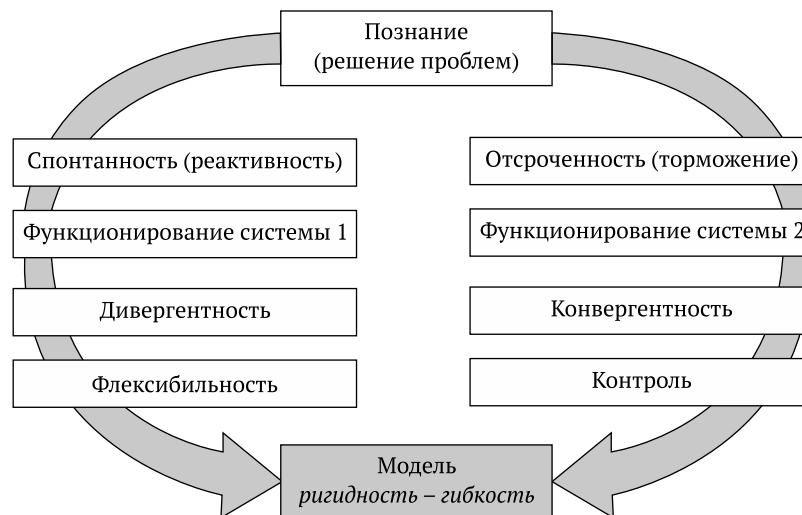
исследований когнитивной организации (когнитивного базиса психики) является соотношение социальной и когнитивной линий, которые способствуют успешной адаптации личности через установление закономерностей взаимодействия с предметным и социальным миром (Г. А. Виленская, Е. А. Сергиенко); линии когнитивного и личностного (социального) развития относительно автономны, при этом первичность в формировании и ведущая роль принадлежат когнитивным механизмам познания по отношению к личностным.

Результаты и их обсуждение

Теоретическая модель развития *ригидность – гибкость*, как когнитивно-личностный конструкт, основана на двух гипотетических предположениях. Первое заключается в том, что эта модель является закономерным результатом процесса познания (широкий подход) и решения проблем (узкий подход). Положение о модели *ригидность – гибкость* как о закономерном результате познания согласуется с концепцией потребности в познании (*the need for cognition*) исследователей Р. Э. Петти и Дж. Т. Качиоппо, которая осуществляется посредством реализации индивидуальных (когнитивных) стилей с низкой внутренней мотивацией к познанию и с высокой потребностью, связанной с получением удовольствия от его процесса [5, р. 119–122]. От использования того или иного способа познания зависит решение задач: человек или ориентируется на мнение

значимых людей, или осуществляет поиск и проверку информации с установлением закономерностей и связей между явлениями познания.

Второе гипотетическое предположение теоретической модели развития *ригидность – гибкость* основано на том, что она, как когнитивно-личностный континуум, состоит из совокупности более частных (парциальных) теоретических обоснований и научных направлений. Исходя из рисунка, по вертикали в процессе познания (решения проблем) ригидность имеет следующие особенности: отсроченность (торможение), конвергентность, функционирование системы 2 и контроль. В свою очередь, гибкость определяется противоположными свойствами: спонтанностью (реактивностью), а также особенностями дивергентности, деятельности системы 1 и флексибильности.

Концептуальная модель ригидности
Conceptual model of rigidity

Процесс познания окружающего мира (решения проблем), закономерным результатом которого является проявление модели *ригидность – гибкость* в качестве когнитивно-личностного конструкта, характеризуется доминированием (преобладанием) когнитивной или аффективной линии развития пси-

хики, а также зависит от рефлекторности (спонтанность (реактивность) и отсроченность (торможение)), организованности (дивергентность и конвергентность), координированности (функционирование системы 1 и системы 2), регулятивности (флексибильность и контроль).

Рефлекторность психики (спонтанность (реактивность) и отсроченность (торможение)). В основе проявления когнитивной ригидности лежит механизм отсроченности (торможения) как реакция на проявление спонтанности и реактивности. Спонтанность (реактивность) в рамках парадигмальной позиции Ж. Пиаже (1994) является врожденной неспецифической активностью, которая регулируется посредством механизма отсроченности (торможения). Процесс центрального торможения (отсроченности (угнетенности)), который был открыт еще в 1866 г. основателем медицинской психологии, физиологом И. М. Сеченовым [6, с. 154], стал одним из компонентов его рефлекторной теории (учения о происхождении психических действий). Это, в свою очередь, способствовало раскрытию рефлекторных механизмов психики, позволяющих когнитивным структурам регулировать психическую деятельность в целях последующей координации движений, направленных на адаптацию к внешним воздействиям [7, с. 73].

Эффективной адаптации к внешним воздействиям на более ранних этапах развития человечества служило формирование способности управлять собой, т. е. «тормозить естественные реакции и направлять энергию на исполнение разумного долга», что легло в основу психологических коннотаций темпоральных скачков, считаясь «залогом превосходства греков над варварами» [8, с. 223]. В когнитивном развитии важность механизмов торможения спонтанных реакций, по Маклюэну, явилась предпосылкой формирования письма, а также сублимации энергии естественных побуждений в область абстрактных представлений и понятий и перевода субъективных мнений в сферу объективности. «В этом мире нет места спонтанности, свободы» [9, с. 168], которые формируются в результате влияния коммуникационных технологий на организацию когнитивных процессов [9, с. 171], а также средств коммуникации на человека и общество в целом [10, с. 157].

Необходимость адаптации обуславливает соотношение когнитивного и личностного (социального) развития психики, и наоборот. Развитие и формирование навыков взаимодействия ребенка с миром идет от простых схем, в частности от сенсомоторных, конкретных и формальных операций стимулирования, к высоко интегрированным абстрактным схемам, приобретая тем самым интеллектуальный характер (Ж. Пиаже). В процессе адаптации и в целостном поведенческом акте использование ребенком одномерных, ригидных, центрированных когнитивных стратегий способствует глубокому познанию, исследованию и раскрытию различных сторон и отношений социального мира, это приближает к полному и точному представлению о его предметах и явлениях.

Пролонгированная работа механизма регулятивности психики соотносится с ее организованностью. Спонтанность (реактивность, автоматизированность) действий и отсроченность (торможение, контроль) определили дифференциацию типов конвергентного и дивергентного мышления, которая, в свою очередь, является основой организованности психики.

Органованность психики в процессе поиска решения той или иной проблемы. Согласно Дж. Гилфорду она включает конвергентный и дивергентный типы мышления, которые были выделены исследователем в рамках концепции интеллекта. Концентрация усилий, направленных на поиск единственно правильного решения, определяет конвергентное мышление [11]. Привычка использовать исключительно конвергентное решение характеризуется ригидностью мышления, которая проявляется в ориентации на наличие верного решения и характеризуется попыткой найти его с помощью имеющихся знаний, опыта и логических рассуждений. Наряду с этим использование конвергентной стратегии при постижении мира и решении проблем в своей основе содержит согласно Д. Халперн процесс категоризации, который «является частным случаем когнитивной экономии» [12, с. 121]. Данный процесс позволяет «уменьшить затраты умственной энергии» посредством снижения трудоемкости мыслительной операции, приводя ситуацию к большей определенности, что является положительной характеристикой когнитивной ригидности.

Множественность существующих вариантов решений по всем возможным направлениям, приводящих «к оригинальным решениям», свойственна «дивергентному мышлению» [13, с. 436]. Данный вид мышления отличается гибкостью, связанной с образованием новых комбинаций из элементов задачи, которые при конвергентном мышлении используются определенным образом. По Гилфорду [11], дивергентное мышление соотносится с творческим мышлением, обладающим свойствами пластичности, подвижности и оригинальности [13, с. 437]. Развитию творческого мышления, по мнению М. А. Холодной, «препятствует психологическая инерция (ригидность) мысли» [14, с. 209]. Ригидность М. Роккич определял как «ограниченность ума» [15], которая характеризуется отсутствием гибкости. Гибкость является компонентом творческих способностей, зависящим «от эмоциональности (социальной) и общей темпераментальной активности» [16, с. 158].

Конвергентность и дивергентность мыслительных процессов согласуется с двойственностью механизмов обработки информации в процессе познания мира (решения проблем) путем согласования двух систем мышления человека, что обеспечивается координированностью психики.

Координированность психики (функционирование системы 1 и системы 2). Она определяется быстрой (автоматической) системой 1 и медленной (аналитической) системой 2. Понятие «система» в своей теории двух независимых видов мышления предложили специалисты в области прикладной когнитивной науки К. Станович и Р. Ф. Уэст, затем оно получило развитие в работах Д. Канемана [17, с. 31].

Данные системы мышления характеризуются следующими особенностями. Ведущий критерий выделения системы 1 и системы 2 представлен соответствием каждой из них определенной функции: автоматической (внутренние автоматизированные навыки) и контрольной (выбор, принятие решения).

Система 1 и система 2 обладают общей особенностью: скоординированностью (согласованностью), что является объективной предпосылкой инвариантного их функционирования и взаимодействия. Система 2 может «перехватить контроль, ограничивая свободные импульсы и ассоциации системы 1» или «изменить работу системы 1», система 1 «порождает впечатления и чувства, которые являются главным источником убеждений и сознательных выборов системы 2» [17, с. 31–34].

Системы мышления имеют исходную специфически согласованную (скоординированную) направленность, которая раскрывает своеобразие их функционального предназначения и уникальных способностей. В частности, система 1 может определить расположенность объектов по близости и отдаленности, проявить произвольность во внимании на резкий звук, понять простое предложение, решить несложный пример, прочесть слова на билбордах и вести машину по пустой дороге. Система 2 предопределяет готовность к старту, способствует идентификации голоса любимого человека в шумной комнате, намеренному ускорению или замедлению шага, регулированию поведения в социальной ситуации, проверке состоятельности «сложных логических аргументов» [17, с. 32–34].

Системы мышления характеризуются наличием комплексного, синтетического состава, в котором они выступают интегральными в части гетерогенности и разнокачественности объединяемых в них процессов различных категорий и классов. Так, в систему 1 входят произвольность внимания, восприятие расстояния между предметами, автоматизированность действий, эмоциональная оценка, в систему 2 – контроль, активация психики, мыслительные операции, избирательность и произвольность внимания. Последнее осуществимо благодаря функции контроля.

Связь контроля с вниманием отражена в теории Я. П. Гальперина. В ней внимание определяется как «функция внутреннего контроля за выполнением умственных, то есть интериоризированных и сокращенных, действий» [18, с. 305]. При этом важно отме-

тить, что внимание не всегда есть контроль. Так, под сознательный контроль (произвольное сознательное управление) и его координацию не попадают автоматизированные действия (или процессы рефлексорного типа), в частности чтение и пространственная локализация объектов. По данной причине исследователи поставили вопрос «об операциональном разделении автоматизмов (т. е. процессов рефлексорного типа) и процессов, находящихся под контролем сознания» [18, с. 306].

Требование внимания является общей чертой функций системы 2, которые «прерываются, когда внимание переключают» [17, с. 33]. Другими словами, невнимательность или отвлекаемость препятствуют эффективному решению проблем в ситуациях, требующих внимания, связанного с внутренними усилиями. Д. Канеман предложил концепцию внимания как умственного усилия, или теорию внимания «второго поколения» [19]. Исследователь подчеркивал взаимосвязь между вниманием и решением задач. Величина усилий определяется сложностью задач, по мере роста которой увеличивается количество ресурсов внимания на решение этих задач. Однако недостаточность выделяемых ресурсов по отношению к растущим сложностям задач приводит к появлению ошибок в их решении. Распределение ресурсов характеризуется гибкостью и изменяется под воздействием поступающих раздражителей. Непосредственно стратегия распределения внимания определяется согласно Д. Канеману гештальтзаконами, т. е. законами перцептивной организации.

Регуляция (флексibilität и контроль) психики. Представленные выше характеристики дивергентного мышления (гибкость или пластичность, подвижность и приспособляемость) являются признаками когнитивной флексibility (*cognitive flexibility*), выступающими «в качестве конструкторов, которыми описываются и объясняются когнитивные процессы и поведенческие проявления личности, характеризующие ее способность организовывать познавательную деятельность и интеллектуальное поведение в зависимости от изменившихся условий» [20, с. 129]. В рамках теории когнитивной флексibility, которую разработали и предложили Дж. Спиро и Дж. Дженг [21, р. 163], человек, представляющий задачу с нескольких точек зрения, может легко интерпретировать ситуационные изменения в окружающей среде и, следовательно, быть более когнитивно гибким. Поэтому он обладает способностью быстро перестраивать свои знания, адаптируя собственные реакции к меняющимся ситуационным требованиям.

Фундаментальная способность личности корректировать стратегии когнитивной обработки информации для решения новых и непредсказуемых ситуаций [22, р. 934] требует контроля внимания. Зависимость когнитивной флексibility от про-

цессов внимания (контроля) отмечают Дж. Канас, И. Файардо, Л. Салмерон². Контроль связан со склонностью к восприятию трудных ситуаций как контролируемых [20, с. 136] (с оценкой способности человека воспринимать сложные ситуации), так и управляемых по Деннису и Вандер Валу [23].

С одной стороны, решение сложных ситуаций (задач) направлено на адаптацию поведения человека к условиям окружающей среды, в которых он находится. При изменении условий решения задач возникает необходимость перестройки знаний таким образом, чтобы эффективно интерпретировать новые требования и ситуацию задачи в целях адаптации к ней. Наряду с этим личности необходимы усилия на прерывание автоматической реакции и переключение, на планирование новой последовательности соответствующих действий, которые будут соответствовать новым требованиям задачи. С другой стороны, когнитивная гибкость включает представления человека о своих знаниях, связанных с задачей и возможными стратегиями ее решения и тем самым зависит от процессов внимания. Поведение человека контролируется и опытом, полученным из аналогичных ситуаций, его знаниями об условиях окружающей среды, которые при изменении должны быть модифицированы, чтобы переосмыслить возможные новые требования задачи.

Проблема контроля рассматривается во взаимосвязи с личностными особенностями, в частности с темпераментными (В. М. Русалов) системными психобиологическими характеристиками индивидуального поведения, обуславливающими когнитивное и социальное взаимодействие личности. При этом согласно концепции В. М. Русалова в основе темперамента лежит «совокупность физических и физиологических свойств индивида, закрепленных в его наследственном аппарате» [16, с. 125], являющаяся «составной подструктурой» когнитивной сферы психики [16, с. 161], в которой выделяют когнитивные стили.

Познание окружающего мира (решение проблем), являясь доминирующим (первичным) в развитии когнитивной и личностной линий психики, определяется соотношением ригидности и гибкости. Гибкость, понимаемая как адаптивность, коррелирует с «социальной пластичностью как элементом струк-

туры темперамента» [16, с. 166], а ригидность соотносится с пластичностью индивидуального поведения. Тем самым модель *ригидность – гибкость* выполняет такую функцию психики, как обеспечение эффективной адаптации.

Таким образом, опираясь на анализ литературы, автор настоящей работы при решении проблемы обоснования конструкта ригидности в рамках концепции когнитивно-личностного развития сформулировал следующие задачи теоретического осмысления и эмпирического исследования данного конструкта:

- изучить традиционно выделенные когнитивные стили, в частности когнитивный стиль «ригидный – гибкий познавательный контроль» (А. П. Лобанов, М. А. Холодная);
- определить изменяемые и неизменяемые формы поведения (Г. В. Залевский, Н. В. Козлова);
- раскрыть центрированные и децентрированные когнитивные стратегии (Ж. Пиаже);
- изучить толерантность и интолерантность к неопределенности (Т. В. Карнилова, Е. М. Павлова).

Актуальными данные задачи являются также в прикладных исследованиях когнитивных структур психики. Сформулированные задачи объединены общим ядром и одним проблемным полем, которое определяется необходимостью изучения структурно-содержательных характеристик ригидности как конструкта. Основу данного конструкта составляют определенные структурные компоненты. При этом различные исследователи выделяют сходные, инвариантные их наборы.

В целом теории когнитивного и социального развития до настоящего времени функционировали как две отдельные линии. Подход в контексте когнитивно-личностного развития предоставляет возможность соединить в одну теоретическую модель когнитивные, мотивационные и аффективные линии развития. Выражение когнитивного и личностного в развитии и в социальном поведении личности характеризуется разнообразием и динамичностью. Признание первичности врожденной психической активности, на основе которой формируются когнитивные механизмы, способствует адекватному познанию социального мира, не нарушая логику личностного развития.

Заключение

Таким образом, представленность конструкта ригидности в рамках концепции когнитивно-личностного развития базируется на основных положениях об относительной независимости когнитивного и личностного (социального) развития, о первичности врожденной психической активности, на основе

которой формируются когнитивные механизмы познания, о главной роли когнитивного развития, ведущего за собой личностное развитие, а также об обусловленности соотношения когнитивного и личностного необходимостью адаптации в процессе познания. Закономерным результатом процессов

²Canas JJ, Fajardo I, Salmeron L. Cognitive flexibility // Intern. encycl. of ergonomics and human factors / ed. by W. Karwowski. Boca Raton : CRC Press, 2006. P. 297–300. DOI: 10.13140/2.1.4439.6326.

познания (широкий подход) и решения проблем (узкий подход) является теоретическая модель развития ригидности и гибкости как когнитивно-личност-

ного континуума, включающего в себя совокупность частных (парциальных) теоретических обоснований и научных направлений.

Библиографические ссылки

1. Лобанов АП. *Психология интеллекта и когнитивных стилей*. Минск: Агентство Владимира Гревцова; 2008. 296 с.
2. Виленская ГА, Сергиенко ЕА. Социально-когнитивное развитие в раннем возрасте. В: Брушлинский АВ, Сергиенко ЕА, редакторы. *Ментальная репрезентация: динамика и структура*. Москва: Институт психологии РАН; 1998. с. 199–216.
3. Пиаже Ж. *Избранные психологические труды*. Москва: Международная педагогическая академия; 1994. 680 с.
4. Пиаже Ж. *Избранные психологические труды. Психология интеллекта. Генезис числа у ребенка. Логика и психология*. Садовский ВН, Юдин ЭГ, редакторы, составители. Москва: Просвещение; 1969. 659 с.
5. Cacioppo JT, Petty RE. The need for cognition. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1982;42(1):116–131. DOI: 10.1037/0022-3514.42.1.116.
6. Сеченов ИМ. *Элементы мысли*. Санкт-Петербург: Питер; 2001. 416 с.
7. Кольцова ВА, Ждан АН. Учение И. М. Сеченова о рефлексх головного мозга: манифест русской объективной психологии. *Психологический журнал*. 2015;36(2):70–77.
8. Степанов АИ. Психологические коннотации темпоральных скачков: от книжной культуры к современной. *Мир психологии*. 2011;2:222–228.
9. Маклюэн ГМ. *Галактика Гутенберга: становление человека печатающего*. Москва: Академический проект; 2005. 496 с.
10. Маклюэн ГМ. *Понимание медиа: внешние расширения человека*. Николаев В, переводчик. Москва: Канон-Пресс-Ц; 2003. 464 с.
11. Guilford JP. Three faces of intellect. *American Psychologist*. 1959;14(8):469–479. DOI: 10.1037/h0046827.
12. Халперн Д. *Психология критического мышления*. Малыгин Н, Рысев С, Царук Л, переводчики. Санкт-Петербург: Питер; 2000. 505 с.
13. Годфруа Ж. *Что такое психология. Том 1*. Алипов НН, Пегелау АВ, Эстрина ТЯ, переводчики. Москва: Мир; 1996. 496 с.
14. Холодная МА. *Когнитивные стили. О природе индивидуального ума*. Санкт-Петербург: Питер; 2004. 384 с.
15. Rokeach M. *The open and closed mind: investigations into the nature of belief systems and personality systems*. New York: Basic Books; 1960. 447 p.
16. Русалов ВМ. *Темперамент в структуре индивидуальности человека: дифференциально-психофизиологические и психологические исследования*. Москва: Москва: Институт психологии РАН; 2012. 528 с.
17. Канеман Д. *Думай медленно... решай быстро*. Москва: АСТ; 2021. 653 с.
18. Величковский БМ. *Когнитивная наука: основы психологии познания. Том 1*. Москва: Смысл; 2006. 448 с.
19. Канеман Д. *Внимание и усилие*. Гусев АН, редактор. Москва: Смысл; 2006. 287 с.
20. Осаволук ЕЮ, Кургинян СС. Когнитивная гибкость личности: теория, измерение, практика. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2018;15(1):128–144. DOI: 10.17323/1813-8918-2018-1-128-144.
21. Spiro RJ, Jehng JC. Cognitive flexibility and hypertext: theory and technology for the nonlinear and multidimensional traversal of complex subject matter. In: Nix D, Spiro RJ, editors. *Cognition, education, and multimedia: exploring ideas in high technology*. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates; 1990. p. 163–205.
22. Portoghesi I, Lasio M, Conti R, Mascia ML, Hitchcott P, Agus M, et al. Cognitive flexibility inventory: factor structure, invariance, reliability, convergent, and discriminant validity among Italian university students. *PsyCh Journal*. 2020;9(6): 934–941. DOI: 10.1002/pchj.401.
23. Dennis JP, Vander Wal JS. The cognitive flexibility inventory: instrument development and estimates of reliability and validity. *Cognitive Therapy and Research*. 2010;34:241–253. DOI: 10.1007/s10608-009-9276-4.

References

1. Lobanov AP. *Psikhologiya intellekta i kognitivnykh stilei* [Psychology of intelligence and cognitive styles]. Minsk: Agentstvo Vladimira Grevtsova; 2008. 296 p. Russian.
2. Vilenskaya GA, Sergienko EA. [Social and cognitive development in early life]. In: Brushlinskii AV, Sergienko EA, editors. *Mental'naya reprezentatsiya: dinamika i struktura* [Mental representation: dynamics and structure]. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; 1998. p. 199–216. Russian.
3. Piaget J. *Izbrannye psikhologicheskie trudy* [Selected psychological works]. Moscow: Mezhdunarodnaya pedagogicheskaya akademiya; 1994. 680 p. Russian.
4. Piaget J. *Izbrannye psikhologicheskie trudy. Psikhologiya intellekta. Genezis chisla u rebenka. Logika i psikhologiya* [Selected psychological works. Psychology of intelligence. The genesis of number in the child. Logic and psychology]. Sadovskii VN, Yudin EG, editors, compilers. Moscow: Prosveshchenie; 1969. 659 p. Russian.
5. Cacioppo JT, Petty RE. The need for cognition. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1982;42(1):116–131. DOI: 10.1037/0022-3514.42.1.116.
6. Sechenov IM. *Elementy mysli* [Elements of mind]. Saint Petersburg: Piter; 2001. 416 c.
7. Kol'tsova VA, Zhdan AN. I. M. Sechenov's theory «reflexes of the brain»: manifest of Russian objective psychology. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2015;36(2):70–77. Russian.
8. Stepanov AI. Psychological connotations of temporal leaps: from book culture to modern culture. *Mir psikhologii*. 2011;2:222–228. Russian.

9. McLuhan HM. *Galaktika Gutenberga: stanovlenie cheloveka pechatayushchego* [Gutenberg's galaxy: becoming a typing man]. Moscow: Akademicheskii proekt; 2005. 496 p. Russian.
10. McLuhan HM. *Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding media: the external extensions of man]. Nikolaev V, translator. Moscow: Kanon-Press-Ts; 2003. 464 p. Russian.
11. Guilford JP. Three faces of intellect. *American Psychologist*. 1959;14(8):469–479. DOI: 10.1037/h0046827.
12. Halpern D. *Psikhologiya kriticheskogo myshleniya* [The Psychology of critical thinking]. Malygin N, Rysev S, Tsaruk L, translators. Saint Petersburg: Piter; 2000. 505 p. Russian.
13. Godefroid J. *Chto takoe psikhologiya. Tom 1* [What is Psychology. Volume 1]. Alipov NN, Pegelau AV, Estrina TYa, translators. Moscow: Mir; 1996. 496 p. Russian.
14. Kholodnaya MA. *Kognitivnye stili. O prirode individual'nogo uma* [Cognitive styles. On the nature of the individual mind]. Saint Petersburg: Piter; 2004. 384 p. Russian.
15. Rokeach M. *The open and closed mind: investigations into the nature of belief systems and personality systems*. New York: Basic Books; 1960. 447 p.
16. Rusalov VM. *Temperament v strukture individual'nosti cheloveka: differentsial'no-psikhofiziologicheskie i psikhologicheskie issledovaniya* [Temperament in the structure of human individuality: differential-psychophysiological and psychological research]. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; 2012. 528 p. Russian.
17. Kaneman D. *Dumai medlenno... reshay bystro* [Think slow... decide fast]. Moscow: AST; 2021. 653 p. Russian.
18. Velichkovskii BM. *Kognitivnaya nauka: osnovy psikhologii poznaniya. Tom 1* [Cognitive science: fundamentals of the psychology of cognition. Volume 1]. Moscow: Smysl; 2006. 448 p.
19. Kahneman D. *Attention and effort*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall; 1973. 253 p. Russian edition: Kahneman D. *Vnimanie i usilie*. Gusev AN, editor. Moscow: Smysl; 2006. 287 p. Russian.
20. Osavolyuk EYu, Kurginyan SS. Person's cognitive flexibility: theory, measurement, and practice. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 2018;15(1):128–144. DOI: 10.17323/1813-8918-2018-1-128-144.
21. Spiro RJ, Jehng JC. Cognitive flexibility and hypertext: theory and technology for the nonlinear and multidimensional traversal of complex subject matter. In: Nix D, Spiro RJ, editors. *Cognition, education, and multimedia: exploring ideas in high technology*. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates; 1990. p. 163–205.
22. Portoghese I, Lasio M, Conti R, Mascia ML, Hitchcott P, Agus M, et al. Cognitive flexibility inventory: factor structure, invariance, reliability, convergent, and discriminant validity among Italian university students. *PsyCh Journal*. 2020;9(6): 934–941. DOI: 10.1002/pchj.401.
23. Dennis JP, Vander Wal JS. The cognitive flexibility inventory: instrument development and estimates of reliability and validity. *Cognitive Therapy and Research*. 2010;34:241–253. DOI: 10.1007/s10608-009-9276-4.

Статья поступила в редакцию 03.02.2023.
Received by editorial board 03.02.2023.